

КОНСТАНТИН ШАКАРЯН

“И ЧТО ЕЙ ТЕ БОЛОНКИ?..”

О российском “либературоведении” в контексте поэзии Глеба Горбовского

На днях ушёл от нас великий русский поэт Глеб Яковлевич Горбовский. Много откликов было по поводу его смерти, и большинство из них – сердечные и трогательные... Но были и выступления таких русофобствующих горе-критиков, как Д. Быков и И. Кукулин. Эта статья – о Глебе Яковлевиче и одновременно – ответ всем этим “быковокулиным”.

За творчеством Дмитрия Быкова я не слежу. Могу лишь сказать, что сей персонаж – универсальный тип литератора, который стремится самоутвердиться во всех жанрах, всюду оставить свой след, авось, что-нибудь да переживёт самого литературного трудоголика, сохранится если не в памяти людей, то хоть на чьих-то книжных полках. Но, умри Быков завтра и унеси с собой в могилу – с той же стремительностью, с какой писал их, – все свои тексты, – я не позволю себе говорить о нём в таком тоне, в каком он высказался несколько дней назад на “Эхе Москвы” о недавно ушедшем от нас Глебе Горбовском (“Один”. 28.02.19). Цитирую: “Поздние стихи Горбовского совершенно чудовищны, но это тоже была во многом, как у Есенина, хроника распада, открытая хроника падения, в том числе профессионального”.

Комментировать ли как-то эту старую песенку, начатую когда-то кузьминскими и гоziасами и подхваченную ныне быковыми? Стоит ли говорить, что произведения Глеба Горбовского где-то уже с середины 1960-х, и далее – в 1970–1980-х годах стали утонченнее, зреее духовно и оснащённее технически, чем его ранние, “с лохматинкой” стихи конца 1950-х – начала 1960-х годов?

Быков продолжает: “Для многих советских поэтов, понимаете, спиваться тоже было манифестацией неучастия, манифестацией непричастности ко всей этой фальши”. Такие слова в контексте судьбы Горбовского звучат смешно, потому что, во-первых, 10-летнего Глеба, попавшего в оккупацию, шутя, спивали немцы, а после этого он уже не смог справиться с тем, что стало болезнью, – пил, не просыхая, до 40 лет:

*Сорок лет промчалось в вихре.
Остальное — разве жизнь?*

Но оказалось, что и “остальное” – жизнь, и более того – жизнь просветлённая, обретшая второе дыхание. А для Глеба Горбовского жизнь всегда равнялась поэзии:

*Найти себя не в годы странствий,
а лишь теперь — на склоне лет,*

*когда ветхо твоё убранство
и никаких иллюзий нет...*

А во-вторых, смешно сказать, но именно Горбовский” – советский поэт” (прилагательное “советский” здесь не более, чем условное хронологическое обозначение) не пил ни грамма на протяжении 20 лет – с 1971-го по начало 1990-х – “на удивление врагам и на радость близким”.

В 1970-х годах Горбовский “нашёл себя”, и то, что уже намечалось в его ранних стихах, зазвучало в полную силу в стихах позднего периода. В 1990-х же годах, раз оступившись, всё же “вернулся к активному творчеству и вере в Бога. И потому, наверное, жив до сих пор...” – как писал поэт о себе уже в новом веке. Но что до его пути разного рода быковым от литературы! Им бы только плюнуть вслед уходящему поэту, которого они замалчивали при жизни. Вот наглядный пример их “литературоведения”: “Я думаю, что когда-нибудь Горбовский будет рассматриваться в одном ряду с жертвами той же самой советской лжи. Конечно, с жертвами застоя, потому что именно застой, как мне кажется, его добил. Все, что он печатал в <19>70-е, и большая часть того, что он печатал в <19>90-е, – это примерно то же, что и советские стихи Глазкова. Это такая подчёркнутая, наглядная, в каком-то смысле совершенно демонстративная графомания”. Вот так – не больше и не меньше. О “добившем” Горбовского “застое”, в годы которого поэт наконец-то обрёл твёрдую почву под ногами и пришёл к высшему пониманию предназначения поэта:

*Зачем я родился?
Отвечу, изволь:
чтоб радовать землю!
Немалая роль...*

– уже было сказано выше. Но обратимся ко второй части высказывания: стихи, включавшиеся во все лучшие антологии поэзии XX и XXI веков, стихи, о которых со вниманием и любовью писали и говорили художники самых разных ориентиров и направлений – Евгений Евтушенко и Юрий Кузнецов, Давид Самойлов и Владимир Костров, Валентин Распутин и Андрей Битов, и многие другие (умышленно не называю многочисленных критиков и литературоведов, ограничиваясь собственно творцами), – стихи эти, по Быкову, являются графоманией!

Это вопиюще и говорит лишь о художественной слепоте и глухоте того, кто может провести подобную параллель. Либо о его неосведомлённости, незнании материала. Читал ли Быков книги Горбовского, изданные с 1971-го по 1991-й годы, и читал ли он стихи Глеба Яковлевича 1990–2000-х годов? Странный вопрос – ведь мы, кажется, имеем дело с историком литературы. Вот именно, что “кажется”. Мне нет нужды до того, что он пишет и как отзывается о различных прозаиках, поэтах и авторах-исполнителях. Человек, который может себе позволить с такой нахальной развязностью, с таким издевательским небрежением говорить о творчестве великого русского поэта лишь потому, что поэт этот для него не “свой”, из противоположного, враждебного литературного лагеря, – такой человек и писанина его не могут вызывать доверия неглупого и осведомлённого читателя.

В лице русских национальных творцов (а к Горбовскому, как видим, Быков подбирался через Есенина, обвинив походя самого народного русского поэта в “ужасных вкусовых провалах” и “водянистости”) наши “либературоведы” плюют в Россию, в которой живут, пишут, издаются, учреждают и присуждают друг другу свои “национальные” премии... Вот, не успел Быков высказать свои “соображения” о Горбовском, как главный редактор одного из крупнейших либеральных “толстяков” (сам – несостоявшийся поэт) публикует их на своей странице в ФБ, видимо, не найдя иных слов для прощания с автором, чуждым ему и его изданию. Отметился словами о “раннем-позднем” Горбовском и критик, “известный филолог и культуролог” Илья Кукулин – автор ужасающе бездарной и пустой рецензии на одну из лучших книг Глеба Яковлевича “Окаянная головушка”, рецензии, о которой не стоило бы и упоминать, если бы автор сам о ней не вспомнил в своём новом мертворожденном труде

(“*Полит.ру*”, 04.03.2019). Начинает Кукулин с достаточно забавного с точки зрения литературоведения предложения: “За те несколько дней, что прошли уже со дня смерти Глеба Горбовского, несколько людей, которые хорошо его знали, или, во всяком случае, были его внимательными читателями на протяжении нескольких десятилетий, сказали, что самые значительные произведения он написал в 1950–<19>60-е годы, а то, что он писал потом, чаще всего совершенно укладывалось в подцензурный мейнстрим, вписывалось в эстетику “обычной” советской поэзии”. Так и хочется спросить: что это за “несколько людей, которые хорошо знали” Горбовского или, тем паче, были его *внимательными* читателями? Уж не Дмитрий ли Быков один из этих “нескольких”? Этой отсылкой к “внимательным читателям” Кукулин выдаёт себя с головой как читателя (во всяком случае – читателя Горбовского) крайне поверхностного. Ни один внимательный читатель Глеба Яковлевича не сказал бы той глупости, какую озвучивает Кукулин. Правда, тут нужно оговориться: действительно, некоторые товарищи, “хорошо знавшие” поэта (на что делает упор Кукулин – как будто для того, чтобы суметь верно проанализировать творчество того или иного автора, надо непременно этого автора как человека “хорошо знать”!), нередко отзывались с нескрываемой завистью и яростно нападали на него, который столько лет был их собутыльником, “вечно пьяным”, “непросыхающим шутом”, и вдруг бросил пить, надел костюм, остепенился, мало того – не перестал писать прекрасные стихи всё в том же небывалом количестве... Лучше всего об этом явлении написал сам Глеб Яковлевич в своей книге-исповеди “Остывшие следы” (1991):

“Когда... мне таки удалось справиться со своей затянувшейся жаждой, многим из наблюдавших меня в роли непросыхающего шута такой крутой поворот дела не только не понравился, но как бы даже многих весьма разочаровал. Теми, кто делает окололитературную погоду, был моментально вынесен приговор, что стихотворец кончился, потому что писать стихи в трезвом состоянии духа, вне бродяжьей печали, ночуя не на вокзальных скамейках, а на диване в собственной квартире, да ещё под наблюдением трезвой жены – противоестественно, а стало быть, и противопоказано...”

Ну, так всякого рода кузьминских и гозиасов, о которых было сказано выше, вокруг поэта всегда хватало. Будто не было подобных персонажей вокруг того же Есенина, в связке с которым Быков и Кукулин постоянно упоминают Глеба Горбовского? Этим “шептунам” Глеб Яковлевич и посвятил стихи, оканчивающиеся такими строчками:

*Вам скучно, ангелы, со мною?
А вы бы к дьяволу пошли!*

Говоря же о том, насколько вписывались стихи Горбовского 1970–1980-х годов в эстетику “обычной советской поэзии”, можно только порекомендовать “известному филологу и культурологу” пролистать на досуге третий и пятый тома собрания сочинений Глеба Яковлевича, имея под рукой все книжки поэта советского доперестроечного периода с 1971-го по 1986-й год (в этих томах представлен список опубликованных в эти годы в периодике произведений Горбовского). Почитайте, сравните, посчитайте, что печаталось и какое количество стихов оставалось за бортом советских сборников и периодики и не спешите наклеивать ярлыки на целый пласт творчества поэта. Впрочем, для “быковокукулиных” это слишком – на это способны лишь по-настоящему внимательные читатели и вдумчивые критики. Один из них – поэтесса Нина Валериановна Королёва, которая писала о своём друге Глебе уже в 2000-х: “... Печатал из... поздних стихов он лишь немногие... Очевидно, мы давно уже не знаем друг о друге, что из написанного остаётся в столе и не находит, – а может быть, и не ищет, – выхода в печать...” Вот свидетельство человека, кроме всего прочего, и “хорошо знавшего” Горбовского (каковой фактор столь важен для нашего “известного филолога и культуролога”).

Что тут скажешь? В помощь и утешение нам – стихи русских поэтов, всегда служившие чем-то вроде охранной грамоты своей стране и своему народу:

*Для нас Россия — это
как в сердце — жизни гул.*

*Кто из больших поэтов
хоть раз её лягнул?
Державин, Пушкин, Тютчев,
Есенин или Блок?
Лишь борзописцы сучьи,
что лают под шумок...*

Эти строки Глеба Горбовского были посвящены популярному “шестидесятнику”, которого, впрочем, с гораздо большим правом можно назвать поэтом, чем фельетониста-версификатора Быкова (не говоря уж о скучнейшем верлибристе Кукулине). Всё мельчает, в том числе и “борзописцы сучьи”. С уходом же Глеба Горбовского Россия потеряла, без преувеличения, самого значительного своего поэта, перешагнувшего в XXI столетие. Но осталось множество стихов, которые составили собрание его сочинений, которые ещё предстоит осмыслить и изучить истинным исследователям, критикам и литературоведам России. Уверен, ждать долго не придётся!

*...Пусть — в обновенье, в ломке,
но Русь — как свет в заре!
И что ей те болонки,
что лают при дворе?!*

г. Ереван